

Оказалось, что на поле боя рухнул вовсе не я, а та девчонка, что потеряла сознание вместе со мной в лаборатории. Однако и я сам находился всего в полуметре от земли. Если бы не Чэнь Шицзюнь, вовремя подоспевший и доложивший инструктору о моем состоянии, если бы инструктор не протянул руку помощи и не подхватил меня, я уверен, что стал бы вторым павшим на поле боя героем.

Кажется, инструктор прижал меня к себе и заставил выпить немного воды, а потом, пребывающего в полузабытии, меня взвалили на спину Цзян Сяо. Не знаю, как далеко мы ушли, но вдруг Цзян Сяо наклонился, сгрузил меня со спины и зажал под мышкой. Войдя в общежитие, он небрежно бросил меня на кровать и проговорил:

— Малыш, не думал, что ты продержишься до сегодняшнего дня!

С этими словами он тряхнул волосами и ушел. Я изо всех сил попытался окликнуть его по имени, но Цзян Сяо в ответ лишь одарил меня крайне презрительной усмешкой и бросил напоследок:

— Поздравляю! Можешь больше не участвовать в военной подготовке! Дверь общежития с грохотом захлопнулась за Цзян Сяо. Я лежал на циновке, глядя на внезапно опустевшую и кажущуюся теперь такой просторной комнату, и невольно почувствовал холод. Я потянулся, чтобы укрыться одеялом, но рука совершенно не слушалась — Неужели меня отстранили от военной подготовки? Сердце заныло от боли, и из глаз покатились слезы.

В полдень классный руководитель вместе с Цзян Сяо вошли в общежитие, принеся с собой какие-то питательные добавки, которые я раньше никогда не пробовал и даже не видел. Затем они заставили меня выпить немного настоя женьшеня с сахаром и еще какого-то бульона, настойчиво просили не бояться и уверяли, что после небольшого отдыха мне станет лучше. Уходя, классный руководитель еще раз наказал Цзян Сяо получше присматривать за мной, и тот без колебаний пообещал выполнить просьбу.

— Чжоу Юй, раз у тебя такое слабое здоровье, почему бы тебе не подать прошение об освобождении от военной подготовки? — во время обеденного перерыва спросил Чжан Цзюнь с недоуменным видом.

— Я хочу участвовать... — Я не знал, как объяснить это так, чтобы Чжан Цзюнь понял, но он лишь на мгновение замер, а затем добродушно улыбнулся: — Я понимаю. Именно из-за этих слов Чжан Цзюня, когда он спросил, не могу ли я спать с ним в ватмане, я согласился не раздумывая, тут же подхватил подушку и перебрался в изножье кровати, хотя в тот момент любое движение давалось мне с трудом и причиняло сильную боль.

После обеда Цзян Сяо и остальные отправились на площадь, как и было велено. Только я не знал, что мне делать. Хотя раньше я умолял небеса, чтобы военная подготовка закончилась поскорее, теперь, когда меня отстранили, я не мог отделаться от чувства пустоты и бесконечной грусти.

Сначала я хотел пойти на площадь — если уж не могу участвовать, то хотя бы посмотрю со стороны, по крайней мере, буду знать, чему их обучают. Но потом решил, что это будет позорно: меня и так отстранили, это само по себе унижительно, значит, нужно сидеть тихо и не искать лишнего повода для стыда. К тому же эти дни муштры выжали из меня все соки. Сейчас я не то что по лестнице спуститься не мог — от одного тяжелого вздоха живот и грудь пронзала острая боль.

Я то лежал, то сидел, то снова ложился, изнывая от тоски. Сцепив зубы, я подошел к окну, выходящему на задний двор, надеясь хоть что-то разглядеть на площади, но увидел лишь серые обшарпанные стены соседнего общежития, пустые темные глазницы окон да одинокие вещи, которые уныло полоскались на ветру.

Вдруг я до боли в сердце затосковал по маме. Я здесь уже больше десяти дней, связь с ней прервалась, и теперь, когда я об этом вспомнил, душа, казалось, готова была разорваться от тоски. Мне так хотелось услышать ее голос, поговорить с ней. Я раз за разом тянулся к телефону, стоявшему у двери, и раз за разом отступал — у меня не было телефонной карты, а у мамы не было телефона. Как же мне позвонить? Тело болело в каждой своей части, и в душе саднило невыносимо. Наконец-то дождался — Цзян Сяо и остальные вернулись. Чэнь Шицзюнь вошел первым и первым же отправился в душевую. Цзян Сяо был вторым; едва подойдя к кровати, он хлопнул меня по плечу:

— Выспался, надеюсь? Вставай, постирай мою одежду. То, что стирают в прачечной, носить просто невыносимо!

Я отвернулся к стенке. Мне не хотелось смотреть на его лицо, в его глаза — неужели он, с его огромными глазами, не видел, в каком я жалком состоянии?

— Чжоу Юй, ты ведь еще не ел? — я скосил глаза и увидел Чжан Цзюня, стоящего за спиной Цзян Сяо с градом пота на лице. — Принес тебе контейнер с кашей и немного зелени, перекуси хоть чем-нибудь...

— Что за дрянная зелень? Разве это еда для людей? — Цзян Сяо обернулся и уставился на бумажный контейнер в руках Чжан Цзюня.

— Подвинься, дай Чжоу Юю спуститься.

Чжан Цзюнь слегка толкнул его плечом, и Цзян Сяо послушно отступил — хоть Чжан Цзюнь был ниже его ростом, но в плечах куда шире и крепче. У меня внезапно промелькнула забавная мысль: если они сойдутся в драке, еще неизвестно, выйдет ли Цзян Сяо победителем.

— Ха, чуть не забыл, есть еще две лепешки... — Чжан Цзюнь положил две золотистые лепешки на горлышко чашки прямо передо мной. — Сколько же в них масла... — он облизал пальцы, издав громкий чавкающий звук. — Ох, как пахнет!

Затем он протянул руку к моим губам и с улыбкой произнёс:

— Попробуй, чувствуешь аромат?

Этот жест Чжан Цзюня внезапно напомнил мне кое-кого до боли знакомого — маму. Каждый раз, когда она готовила что-то вкусное, она сначала подносила кусочек к моему рту, а потом смотрела на меня и с улыбкой спрашивала: Вкусно?

— Мелкий, давай ешь быстрее, а потом возмись за мою стирку! — лениво поторопил меня Цзян Сяо, развалившись на кровати.

— Ты что, не видишь, в каком состоянии Чжоу Юй? И это называется староста! — голос Чжан Цзюня прогремел так громко, что я вздрогнул, и лепешка выпала у меня из рук прямо в кашу.

— В каком состоянии? Дай-ка посмотрю...

Цзян Сяо подошел ко мне, одной рукой надавил на спину, а другой обхватил за подбородок.

— Ты... — я хотел выругаться, но стоило мне открыть рот, как я разрыдался в голос.

— Цзян Сяо! — Чжан Цзюнь вскочил на ноги.

— Что вы творите? Что здесь происходит... — Чэнь Шицзюнь, закончив мыться, тоже подошел к нам.

— Да что такого? — Цзян Сяо убрал руку, но продолжал насмешливо улыбаться. — Просто посмотрел, разве это повод для слез?

— Цзян Сяо! Ты слишком зарываешься! Не думай, что если ты из местных, тебе всё позволено!

Кулак Чжан Цзюня пронесся над моей головой и уперся в грудь Цзян Сяо.

— Хочешь подраться? — Цзян Сяо перехватил его кулак прямо перед своим носом. — Ты мне не соперник!

Они застыли в этом положении: один не опускал кулак, другой не отпускал его руку. В глазах Чжан Цзюня, казалось, полыхал огонь, а в глазах Цзян Сяо застыл лед. Мое сердце невольно задрожало:

— Вы... пожалуйста, не надо драться...

— С ума сойти, чего ради устраивать разборки... — проворчал Чэнь Шицзюнь и, не обращая внимания, лег на кровать.

— Отпустите друг друга, а? — я поднялся, пытаюсь разнять их руки, но стоило мне коснуться их, как свободная рука Цзян Сяо толкнула меня в грудь.

— Отвали!

Я рухнул на пол, в голове гулко отозвалось, и перед глазами начало медленно темнеть.

<http://bllate.org/book/21943/2279737>